КНИГА ЗА КНИГОЙ

Леонид Соболев

БАТАЛЬОН ЧЕТВЕРЫХ

Издательство „Детская литература"

КНИГА ЗА КНИГОЙ

ЛЕОНИД СОБОЛЕВ

БАТАЛЬОН ЧЕТВЕРЫХ

РАССКАЗЫ

Москва
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1985

Р2
С54

ДОРОГИЕ РЕБЯТА!

С моим рассказом «Батальон четверых» произошло удивительное.

Он был написан летом 1942 года по записи моей беседы с Михаилом Негребой, которого я встретил после оставления нашими войсками Одессы и с тех пор более не видел. Я уже думал, он погиб в Севастополе весной 1942 года.

Но через двадцать один год Михаил Негреба нашёлся. Оказалось, он раненным попал в плен, совершил несколько неудачных побегов и был освобождён из лагеря смерти только в конце войны.

Мы встретились с ним, и я рассказал об этом по радио. И тогда из Ленинграда отозвался и Алексей Котиков, который после Одессы сражался на Кавказе, и под Москвой, и на Волге, и в Заполярье. Позднее нашёлся в Пятигорске и Леонтьев.

В апреле 1963 года встречу героев в Ленинграде смотрели по телевизору миллионы телезрителей, и среди них в городе Горьком ещё один моряк из «батальона четверых» — Перепелица.

Одного Литовченко мы не можем найти.

Я сообщаю это юным читателям, чтобы они знали, что в этой книжке нет ничего выдуманного. Все рассказы — правда о мужестве советских военных моряков, об их верности Родине.

ЛЕОНИД СОБОЛЕВ

Рисунки Л. Хайлова

С $\frac{4803010102-335}{М101(03)85}$ 370—85

БАТАЛЬОН ЧЕТВЕРЫХ

Этот бой начался для Михаила Негребы прыжком в темноту. Вернее — дружескнм, но очень чувствительным толчком в спииу, которым ему помогли вылететь из люка самолёта, где он неловко застрял, задержнвая других.

Ои пролетел порядочный кусок темноты, пока ие решился дёрнуть за кольцо: это был его первый прыжок и он опасался повнснуть на хвосте самолёта. Парашют послушио раскрылся, и, еслн бы Негреба смог увидеть рядом своего дружка Королёва, он подмигиул бы ему и сказал: «А всё-таки вышло по-нашему!»

Две иедели иазад в Севастополе формнровался отряд добровольцев-парашютистов. Ни Королёв, ни Негреба не моглн, поиятио, упустнть такой случай, н оба на вопрос, прыгалн ли онн раньше, гордо ответнли: «Как же... в аэроклубе — семь прыжков». Можно было бы для верностн сказать — двадцать, но тогда нх сделали бы ннструкторами, что, иесомиенио, было бы иеосторожностью; достаточно было н того, что при первой

подгонке парашютов обоим пришлось долго ворочать эти странные мешки (как бы критикуя укладку на основании своего опыта) и косить глазом на других, пока оба не присмотрелись, как же надо надевать парашют и подгонять лямки.

Однако всё это обошлось, и теперь Негреба плыл в ночном небе, удивляясь его тишине. Сюда, в высоту, орудийная стрельба едва доносилась, хотя огненное кольцо залпов поблескивало вокруг всей Одессы, а с моря били корабли, поддерживая высадку десантного морского полка (с которым должны были соединиться парашютисты, пройдя с тыла ему навстречу). В городе кровавым цветком распускался большой, высокий пожар. Там же, где должен был приземлиться Негреба, было совершенно темно.

Впрочем, вскоре и там он различил огоньки. Было похоже, будто смотришь с мачты на бак линкора, где множество людей торопливо докуривают папиросы, вспыхивающие от частых затяжек. Это и была линия фронта, и сесть следовало за ней, в тылу у румын. Он потянул лямки, как его учили, и заскользил над боем вкось.

Видимо, он приземлился слишком далеко от боя, потому что добрый час полз в темноте, никого не встречая. Внезапно что-то схватило его за горло, и он с размаху ударил в темноту кинжалом. Но это оказалось проволокой связи.

Негреба вынул из мешка кусачки, перекусил проволоку в нескольких местах, ползя вдоль неё. Тут ему пришло в голову, что проволока ведёт к какой-нибудь румынской части, где можно устроить порядочный переполох огнём из автомата.

Через час проволока привела в бурьяны. Всмотревшись в рассветную мглу, Негреба увидел трёх коней и поодаль — часового. Кони, почуяв человека, захрапели, и пришлось долго выжидать, пока они привыкнут. За это время Негреба надумал, что можно снять часового, вскочить на коня и помчаться по деревне, постреливая из автомата. Он медленно пополз к часовому, держа в левой руке автомат, в правой — кинжал. Именно эта правая рука провалилась на ползке в непонятную яму и тотчас упёрлась во что-то мягкое. Его кинуло в жар, и он замер на месте. Откуда-то из-под земли шли громкие голоса.

Наконец он понял: мягкое и упругое препятствие было одеялом, закрывавшим отдушину погреба. Там слышался чужой говор, звенели шпоры, стучала пишущая машинка. Негреба осторожно прорезал кинжалом дырку и заглянул в погреб. Очевидно, это был штаб румынского батальона, может быть, полка. Офицеры сгрудились у стола над картой, на которой им что-то раздражённо показывал черноусый и давно не бритый пожилой офицер. В углу на корточках сидели телефонисты. Они подозвали одного из офицеров, и тот начал кричать в трубку. Негреба под этот шум вынул из сумки гранату. Одной ему показалось мало. Когда в подвале снова начался громкий говор, он достал вторую, потом третью и связал их вместе. Он собрался было кинуть их в отдушину, но тут зацокали копыта, и к погребу подскакали ещё двое. Негреба дал им войти и тотчас же похвалил себя за это: все офицеры в подвале вытянулись и стали «смирно» — очевидно, один из вошедших был большим начальником.

Негреба швырнул гранаты в отдушину и кубарем покатился в бурьян. Часовой крикнул, но в подвале грянуло и рвануло, и часовой исчез неизвестно куда.

Уже рассвело, когда Негреба вышел в тыл переднего края румынских окопов. Он залёг в копне и стал выжидать. Промчался одинокий всадник. Он скакал во весь дух, оглядываясь и пригибая голову к шее коня. Негреба навёл на него автомат, но где-то близко простучала очередь, и всадник свалился.

Негреба обрадовался: видно, рядом прятался ещё один наш парашютист. Снова застучал автомат, и Негреба понял, что тот залёг в кустах рядом.

Он решил переползти по кукурузе к товарищу (всё же вдвоём лучше), но тут завыли мины и стали рваться у кустов одна за другой, и автомат замолк. Тогда из ложбинки показались несколько румын, беспрерывно стреляющих по кустам, где сидел неизвестный Негребе товарищ. В их трескотню Негреба добавил свою очередь. Несколько румын упали, остальные кинулись в кукурузу. Всё снова стихло, только издали доносилась стрельба.

Он пополз к кустам и нашёл там Леонтьева. Тот лежал

ничком, подбитый миной. Негреба повернул его. Леонтьев открыл глаза, но тут же закрыл их и негромко сказал:

— Миша... пристрели... не выбраться...

Негреба взглянул в его белое восковое лицо и вдруг отчётливо понял, что тут, в этих кустах, и сам он найдёт свой собственный конец: пронести Леонтьева через фронт один он не сможет, оставить его здесь одного или выполнить его просьбу — тоже. Всё в нём похолодело и заныло, и он ругнул себя — нужно ему было лезть сюда!.. Шёл бы сам по себе, целый и сильный, выбрался бы... Но хотя жалость к себе и к своей жизни, с которой приходится расставаться из-за другого, и сжимала его сердце, он прилёг к Леонтьеву и сказал так весело, как сумел:

— Это, друг, всегда поспеется! Сперва перевяжу... Отсидимся! Двое — не один.

На перевязку ушли оба пакета — леонтьевский и свой. Леонтьев почувствовал себя лучше. Негреба устроил его поудобнее, всунул ему в руки автомат и сказал:

— Ты за книжальную батарею будешь. Лежи и нажимай спуск, только и делов! Отобьёмся! Слышь, наши близко.

В самом деле, впереди, за румынскими окопами, шла яростная стрельба. Видимо, десантный полк атаковал румын. Но морякам от этого было не легче: скоро румыны, выбитые из окопов, хлынут назад, и кустик окажется как раз на пути их отступления. Надо было приготовиться к этому. Негреба выложил перед собой гранаты, запасной диск к автомату и повернулся к Леонтьеву:

— Гранаты у тебя есть?

— Есть,— отвечал тот, примеряясь, сможет ли он хоть немного водить перед собой автоматом.— Три штуки. Гранаты возьми, а диск мой не трожь. Сам стрелять буду...

Бой приближался. Стрельба доносилась всё ближе. Солнце уже грело порядочно, и тёплый, горький запах трав поднимался от земли. Ждать последнего боя и с ним смерти было трудно. Сбоку, метрах в трёхстах, виднелась глубокая балка, где можно было бы отлично держаться и бить румынских фашистов с фланга. Но перенести туда Леонтьева он не мог.

Он заставил себя смотреть перед собой, на ложбинку, от-

куда должны были появиться враги. И уже хотелось, чтобы это было скорее: ему показалось, что нервов у него не хватит и что, если это ожидание ещё продлится, он оставит Леонтьева в кустах и один поползёт к балке, в сторону от пути отходящих батальонов.

— Наши сзади,— сказал вдруг Леонтьев.— Слышишь?

Негреба и сам слышал сзади чёткие недолгие очереди, но боялся этому верить. Леонтьев зашевелился и закричал слабым, хриплым голосом:

— Моряки! Сюда!

Он попытался подняться, но снова упал на траву. Негреба высунул голову из куста и в жёлтой кукурузе увидел неподалёку чёрную бескозырку, левее — вторую. Он встал во весь рост и замахал рукой:

— Моряки! Перепелица, чертяка, право на борт! Свои!

Два парашютиста перебежали по кукурузе к кустам.

Это были Перепелица и Котиков. Они прилегли в кусты. Негреба наскоро сообщил им обстановку и свой план: перебежать в балку и бить отходящих румын с фланга.

— Тут нам не позиция, тут нас, как курей, задушат...— сказал он.— Тащите Леонтьева, я прикрывать буду.

Котиков и Перепелица подняли раненого. Тот стиснул зубы и закрыл глаза: каждый толчок на бегу отдавался острой болью. До балки оставалось ещё метров восемьдесят, когда из ложбинки затрещали выстрелы и выскочило больше десятка румын. Пришлось положить Леонтьева и вступить в бой. Отбившись, моряки наконец скатились в балку и там нашли ещё одного парашютиста — Литовченко. Он лежал, хозяйственно обложившись гранатами и выставив из травы чёрное дуло автомата. Увидев краснофлотцев, он возбуждённо сказал:

— А я уж думал, мне труба! Лежу один как перст, а их сейчас попрёт — только считай... Ну, теперь нас сила!

Леонтьев был без сознания. Негреба осмотрел повязки: они были в крови. Тогда он снял с себя форменку, разорвал её и сделал новую перевязку. Перепелица тем временем достал бисквиты и шоколад.

— Позавтракаем пока, что ли,— сказал он.

И остальные тоже вынули свои пайки. Но сухие бисквиты не лезли в горло, а шоколад забивал рот, и проглотить его было трудно. Во рту пересохло от бега, солнце уже пекло, и каждый из них дорого дал бы за глоток воды. Но все, оказывается, опорожнили свои фляги ещё ночью. Только у Литовченко случайно оказалось немного воды, и он протянул фляжку Негребе:

— Дай ему. Горит человек.

Негреба осторожно влил воду в рот Леонтьеву. Тот глотнул и открыл глаза.

— Держись, Леонтьич!— сказал Негреба.— Гляди, нас теперь сколько... Факт, пробьёмся!

Леонтьев не ответил и снова закрыл глаза. Перепелица негромко сказал:

— Попёрли руманешти, гляди...

И точно: из ложбинки прямо на те кусты, где недавно ещё были моряки, выскочила первая толпа отступающих румын. Впереди всех и быстрее всех бежали несколько гитлеровских автоматчиков. Они добежали до кустов, залегли и открыли огонь по румынам, пытаясь остановить их.

— Вот это тактика!— удивился Негреба.— Что ж, морячки́, поможем фрицам? Только, чур, не по-ихнему: прицельно бить, не очередями.

Он засучил рукава тельняшки и выстрелил первым в офицера, размахивающего пистолетом.

Можно было и не стрелять. Румыны не заметили бы этой горсточки, спрятанной в балке. Но это значило, что тогда они прошли бы к себе в тыл без потерь. И моряки стреляли, открывая огнём своё присутствие здесь. Стреляли, потому что каждый выстрел уничтожал ещё одного врага. Стреляли, помогая атаке моряков десантного полка.

Под этим огнём офицерам не удалось ни остановить, ни собрать выбежавшие из окопов роты. Тогда немецкие автоматчики перенесли огонь на моряков, и кто-то из офицеров собрал десятка два солдат и повёл их на балку. Это был уже настоящий бой. Моряки отбили две атаки. Наконец волна румын прошла, оставив в кукурузе и у балки неподвижные тела. Перепелица оглянул поле боя.

— Порядком иаложили! — сказал ои удовлетворёиио.— А как у иас с патроиами, ребята?

С патроиами было плохо. На автоматчиков и иа отражеиие двух атак моряки израсходовали почти весь запас. Это было тем хуже, что теперь должиы были побежать румыиы соседиего участка, и, по всем расчётам, оии иемииуемо должиы были иаскочить иа балку. Негреба предложил повторить маиёвр и перебраться в соседиюю, которая опять окажется с флаига отступающих, ио, посмотрев иа Леоитьева, сам отказался от этой мысли. Моряки помолчали, обдумывая.

— Что ж,— сказал Негреба,— видио, тут иадо держаться. Патроиы беречь иа прорыв. Отбиваться будем граиатами. По тем, кто вплотиую иабежит.

Оии замолчали, выжидая, когда появятся враги. Потом Перепелица достал из мешка офицерский пистолет и осмотрел обойму.

— Шесть патроиов,— сказал ои.— А иас пятеро. Хватит. Разыграем, что ли, кому? Поиятио?

— Поиятио,— сказал Литовчеико.

— Ясио,— подтвердил Котиков.

— Точио,— добавил Негреба.

Ои сорвал четыре травиики и откусил одиу: подровиял коицы, зажал в кулак и протяиул Литовчеико.

— Откуда у тебя ихиий пистолет?— спросил тот Перепелицу, вытягивая травиику, и закоичил облегчёиио:— Не мие: длиииая!

— Наткиулся иочью иа офицера,— ответил Перепелица.— Вещь ие тяжёлая, а пригодится... Тащи ты, Котиков.

— Может, лучше свои патроиы оставить?— раздумчиво сказал тот, осторожио таща травиику.— Погаио ихиими-то пулями...

Его травиика тоже оказалась длиииой.

— Коли раият, с автоматом ие управишься, а этим и лёжа всех достаиешь,— сказал Перепелица деловито и потяиул травиику сам.— Тоже длиииая. Выходит, Миша, тебе... Только ты не торопись. Когда вовсе коиец будет, поиятио?

— Ясио,— сказал Негреба и положил пистолет под руку.

— Кажись, пошли,— иегромко сказал Котиков.— Ну, моряки, коли иичего ие будет, свидимся!

И моряки замолчали. Только изредка стоиал Леоитьев. Перепелица перекииул Негребе бушлат:

— Прикройся. Лежишь, что зебра полосатая. За версту видать.

— Всё одио видать,— ответил Негреба.— Лучше уж так. Хоть узиают, что моряки.

И сиова замолчали, вглядываясь в лавииу румыи, покатившуюся к балке.

Солдаты выбегали из окопов, падали иа землю, отстреливаясь от кого-то, кто иаседал иа иих, сиова вскакивали, перебегая метров иа пять-шесть. Оии двигались плотиой цепью, почти рядом друг с другом, и с каждой перебежкой всё ближе и ближе были к горсточке моряков. Около сотии их побежало прямо иа балку, видимо чуя, что тут оии смогут укрыться от огия преследующих их моряков десаитиого полка. Оии ещё раз залегли, отстреливаясь, и потом, как по комаиде, вскочили и рииули к балке.

Уже видиы были их лица, иебритые, вспотевшие, искажёииые страхом. Оии были так близко, что тяжёлый запах пота, казалось, ударял в иос. Оии бежали к балке молча и дружио, упрямо и скучеиио, как испугаиное стадо, которое всё сметает со своего пути.

И тогда иа пути встал Негреба, встал во весь рост — крепкий и ладиый моряк в полосатой тельияшке, с автоматом в левой руке и с подиятой граиатой в правой.

— Эй, румаиешти, огребай матросский подарок!— крикиул ои в исступлеиии и швыриул граиату.

Вслед за ией из балки вылетели ещё три. Взрывы ахиули в потиом стаде. Солдаты попáдали. Другие отшатиулись и, петляя как зайцы, кииулись в стороиы. Моряки бросили ещё четыре граиаты. Проход расширился. Перепелица крикиул:

— Мишка, а ведь прорвёмся! Хватай Леоитьева!

Моряки мгиовеиио подияли его, и каждый свободиой рукой подхватил раиеиого. Оии рииулись в образовавшийся проход между румыиами, и Леоитьев от боли пришёл в себя и сиова стисиул зубы, чтобы вытерпеть этот стремительиый,

Моряки мгновенно подняли раненого.

яростный бег. Они проскочили уже самую гущу, когда он увидел, что румыны кинулись за ними. Он оглянулся на Перепелицу и разжал зубы:

— Бросьте меня. Пробивайтесь...

Перепелица выругал его на бегу, и он замолчал.

Румыны подскочили уже близко. Моряков было всего пятеро, а их сотни. Враги, видимо, поняли это и решили взять моряков живьём. Рослый солдат прыгнул на Перепелицу, пытаясь ударить его штыком. Котиков выпустил ногу Леонтьева и выстрелил румыну в затылок, но другой кинулся на него. Перепелица подхватил румынскую винтовку и сильным ударом штыка повалил солдата, за ним — второго и третьего. Потом он бросил винтовку, сорвал с пояса гранату и далеко кинул её в подбегавших солдат. Те отшатнулись, но граната взорвалась среди них. Оставшиеся в живых залегли и открыли огонь.

Пули засвистели вокруг моряков. Перепелица упал и крикнул:

— Тащите вдвоём, мы с Котиковым задержим!

Моряки тоже упали в траву и стали отстреливаться последними патронами. Негреба и Литовченко тащили ползком Леонтьева, а остальные двое ползли за ними, сдерживая румын редким, но точным огнём. Наконец те отстали, спеша уйти в тыл, а моряки неожиданно для себя провалились в опустевший румынский окоп.

Тут они опомнились и осмотрелись: у Котикова пулей была пробита щека, у Перепелицы две пули сидели в ляжке. Литовченко тоже обнаружил, что он ранен. На перевязки ушли все форменки.

Румыны были уже далеко за кустами, и впереди, очевидно, были только свои. Моряки устроили Леонтьева в окопе поудобнее, принесли ему воды, обмыли и напоили, положили возле него румынский автомат и гранаты, найденные в окопе.

Он смотрел на все эти заботы, слабо улыбаясь, и глаза его, полные слёз, лучше всяких слов говорили о том, что было в его душе. Взгляд этот, вероятно, смутил Негребу, потому что он встал и сказал с излишней деловитостью:

— Полежи тут, больше трясти ие будем. Сейчас носилки пришлём. Идём своих искать.

И оии встали в рост — четыре человека в полосатых тельняшках, в чёриых бескозырках, окровавлеиные, перевязаииые обрывками форменок, ио сильиые и готовые сиова пробираться сквозь сотии врагов.

И, видимо, оии сами поразились своей живучей силище. И Перепелица сказал:

— Одии моряк — моряк, два моряка — взвод, три моряка — рота... Сколько нас? Четверо? Батальои, слушай мою комаиду: шагом... арш!

1942 г.

ФЕДЯ С НАГАНОМ

В раскалёиные дии штурма Севастополя из города приходили иа фроит подкреплеиия. Красиофлотцы из порта и базы, юиые добровольцы и пожилые рабочие, выздоровевшие (или сделавшие вид, что выздоровели) раиеиые — все, кто мог драться, вскакивали иа грузовики и, промчавшись по гориой дороге под тяжкими разрывами сиарядов, прыгали в окопы.

В тот деиь в Третьем морском полку потеряли счёт фашистским атакам. После пятой или шестой моряки сами кииулись в коитратаку иа высоту, откуда иемцы били по полку флаиговым огиём. В одиой из траишей, поворачивая против фашистов их же замолкший и оставлеииый здесь пулемёт, красиофлотцы иашли возле иего тело советского бойца. Ои был в каске, в защитиой гимиастёрке. Но когда в поисках докумеитов расстегиули ворот, под иим увидели зиакомые сиие-белые полоски флотской тельияшки. И молча сияли моряки свои бескозырки, обводя глазами место иеравиого боя.

Кругом валялись трупы фашистов — весь пулемётиый рас-

чёт и те, кто, видимо, подбежал сюда на выручку. В груди унтер-офицера торчал немецкий штык. Откинутой рукой погибший моряк сжимал немецкую гранату. Вражеский автомат, все пули которого были выпущены в фашистов, лежал рядом. За пояс был заткнут пустой наган, аккуратно прикреплённый к кобуре ремешком.

И тогда кто-то негромко сказал:

— Это, верно, тот... Федя с наганом...

В Третьем полку он появился перед самой контратакой, и спутники запомнили его именно по этому нагану, вызвавшему в машине множество шуток. Прямо с грузовика он бросился в бой, догоняя моряков Третьего полка. В первые минуты его видели впереди: размахивая своим наганом, он что-то кричал, оборачиваясь, и молодое его лицо горело яростным восторгом атаки. Кто-то заметил потом, что в руках его появилась немецкая винтовка и что, наклонив её штык вперёд, он ринулся один, в рост, к пулемётному гнезду.

Теперь, найдя его здесь, возле отбитого им пулемёта, среди десятка убитых фашистов, краснофлотцы поняли, что́ сделал в бою безвестный черноморский моряк, который так и вошёл в историю обороны Севастополя под именем «Феди с наганом».

Фамилии его не узнали: документы были неразличимо залиты кровью, лицо изуродовано выстрелом в упор. О нём знали одно: он был моряком. Это рассказали сине-белые полоски тельняшки, под которыми кипела смелая и гневная морская душа, пока ярость и отвага не выплеснули её из крепкого тела.

1942 г.

И МИНОМЕТ БИЛ...

В разведке под Севастополем три краснофлотца вышли на миномётную немецкую батарею. Они бросили в окоп несколько гранат и перестреляли разбегающихся фашистов. Батарея замолкла.

Казалось, можно было бы возвращаться — не каждый день бывает такая удача. Но миномёт был цел, и рядом лежало несколько ящиков мин.

— А что, хлопцы,— раздумчиво сказал Абращук,— мабуть, трошки покидаемся по немцу?

Он взялся наводить, Колесник — подносить ящики с минами, а третий разведчик, армянин Хастян, встал к миномёту заряжающим.

Немецкие мины полетели в немецкие траншеи, и всё пошло хорошо. Наконец фашисты догадались, что по ним бьёт их же собственный миномёт. На троих моряков посыпались снаряды и мины.

Казалось бы, пора было подорвать миномёт и оставить

окоп. Но моряки заметили, что их батальои, воспользовавшись иеожидаииой поддержкой миномёта, подиялся в атаку. Тогда оии решили бить по иемецким траишеям, пока хватит иемецких мии.

И миномёт бил по фашистам. Всё ближе и всё чаще рвались рядом с моряками иемецкие сиаряды. Разрывы стали обсыпать красиофлотцев землёй, осколки — визжать над ухом. Колесиик упал: его раиило в иоги. Перевязавшись, ои ползком продолжал подтаскивать к Хастяиу ящики с миiами.

И миномёт бил по фашистам, бил яростио и иепрерывио. Снова в самом окопе грохиул иемецкий сиаряд. Хастяиу оторвало кисть руки. Моряки перетяиули ему руку биитом, остаиовили кровь. Ои встал шатаясь, протяиул здоровую руку за очередиой миной, которую подал ему с земли подползший Колесиик, и опустил её в ствол.

И миномёт бил по фашистам.

Ои бил до тех пор, пока до окопа ие добежали красиофлотцы, рииувшиеся в атаку.

Даже видавшие виды севастопольские бойцы ахиули при виде трёх окровавлеиных моряков, методически и иастойчиво посылавших иемцам миiу за миной: один — безногий, другой — безрукий, третий — иеразличимо перемазаииый кровью и землёй.

Раиеиых тотчас поиесли в тыл, а Абращук сказал:

— Эх, расстроили иашу компаииию!.. Ну, стаиовись к миномёту желающие, тут ещё полиый ящик. Бей по левой траишее, а я вперёд пойду!

Ои подобрал немецкий автомат и бросился вслед за атакующими моряками.

1942 г.

ВОСПИТАНИЕ ЧУВСТВА

Мытьё посуды, как известно,— дело грязное и надоедливое. Но в тесном командирском буфете миноносца, о котором идёт речь, для этой цели существовал некий сложный агрегат, в корне менявший дело.

Агрегат этот занимал собой весь правый угол буфета, где сверкал медью паровой самовар — небольшой, но бойкий, вечно фыркающий, обжигающий. Цинковый его поддон был загромождён проволочными стеллажами для тарелок, гнёздами для стаканов, особой подвесной сеткой для ножей и вилок. Сложная система медных трубок соединялась резиновым шлангом с краном самовара. Струи кипятка сильно и равномерно били на стеллажи, смывая с посуды застывший жир, липкие следы компота и консервированного молока (которое почему-то любил комиссар миноносца). Сам же хозяин буфета, командирский вестовой Андрей Кротких, презрительно предоставив воде грязную работу, уходил в крошечную каюту,

гордо нменовавшуюся «командирскнм салоном». И пока, в знак окончаиия обеда комаиднра и комиссара, ои меиял там белую скатерть иа цветиую, автомат нсправио делал своё дело.

Вернувшнсь, Кротких иамылнвал узкую щётку и с тем же презрительным выражением лнца протнрал ею в стеллажах тарелки, потом, смыв шлангом мыльную пеиу, закрывал воду н пар. В жарком воздухе тесного буфета посуда обсыхала сама собой, и через час сухне днскн тарелок сверкалн уже в гиёздах, оберегающих их от последствий качкн. И только воииственаия сталь иожей н вилок требовала полотенца: во избежанне ржавчнны.

Вся эта сложиая автоматнка была рождеиа горечью, жнвшей в сердце Аидрея Кроткнх, красиофлотца н комсомольца. Грязиую посуду он ненавндел как некнй снмвол иезадавшейся жизнн. В самом деле: его товарищи по призыву готовились стоять у клапанов в машиие, стрелять нз оруднй, вертеть штурвалы. Ему же выпала на долю страниая боевая часть: посуда. Причииой тому было то, что Кроткнх, выросшнй в далёком колхозе иа Алтае, по своим лнчным соображенням простился с учебииками ещё в четвёртом классе н поэтому при отборе специалистов во флотскне школы остался ие у дел.

Правда, по боевой тревоге Аидрей Кротких был подиосчнком сиарядов зенитиого автомата номер два. Но вся его боевая работа была иичтожна: он выинмал из ящиков острожалые сиаряды (которые больше походили иа патроиы гигаитской виитовкн) н укладывал их иа подстелеиный возле орудия мат. В дугу обоймы, торчащую из автомата, нх вставлял уже другой краснофлотец — заряжающий Пннохнн, и оставалось только с завнстью смотреть иа него и запоздало проклннать опрометчнвый поступок юиостн.

В первом же бою с пнкнровщикамн Кроткнх с горечью поиял, что иа таком боевом посту Героем Советского Союза, пожалуй, ие стаиешь н что комсомольской организации колхоза «Заря Алтая» гордняться им после войиы, виднмо, ие придётся.

Орудие иомер два и подсказало ему буфетиую автоматику. Перемывая одиажды посуду, Кроткнх иеожнданно для

себя подумал, что тарелки тоже ведь можно расставить на рёбра, вроде как в обойме. Тогда не придётся по очереди подносить каждую под струю воды, обжигая при этом руки, а наоборот — можно будет обдавать крутым кипятком сразу все. Он перепортил массу проволоки, пока не добился того, что смутно мерещилось ему в мыслях и что, как с огорчением узнал он после, было давным-давно выдумано и применялось в больших столовых и ресторанах.

Это сообщил ему военком миноносца батальонный комиссар Филатов в первый же вечер, когда, заглянув в буфет в поисках чая, он увидел «автоматику», построенную Кротких.

Однако огорчение это неожиданно обернулось удачно: военком разговорился с ним, и Кротких излил ему всю свою душу, смешав в кучу и посуду, и «Зарю Алтая», и мечты о Герое Советского Союза, и неведомую комиссару Олю Чебыкину, которой никак не напишешь письма о войне, где он моет посуду, тем более что и слова-то вылазят на бумагу туго и даже самому невозможно потом прочесть свои же каракули.

Военком слушал его, чуть улыбаясь, всматриваясь в блестящие смекалистые глаза и любопытно разглядывая его лицо — широкое и скуластое лицо сибиряка с чистой и ровной кожей. Улыбался он потому, что вспоминал, как когда-то, придя комсомольцем на флот, он так же страдал душой, попав вместо грезившегося боевого поста на скучную и грязную очистку трюма восстанавливаемого линкора, как мучился он над первым своим письмом к друзьям и как беспощадно врал в нём, описывая дальние походы, штормы и собственные ленточки, развевающиеся на мостике (не иначе как рядом с командиром).

Молодость, далёкая и невозвратная, дохнула на него из этих блестящих глаз, и он всей душой понял, что Оле Чебыкиной о посуде, и точно, не напишешь: она, конечно, была такая же насмешливая, вёрткая и опасная на язык, какой была когда-то Валя с текстильной фабрики родного городка.

И он с таким живым интересом стал расспрашивать Кротких о «Заре Алтая», об Оле, о том, как же так вышло у

него со школой, что тому показалось, будто перед ним не пожилой человек, пришедший на корабль из запаса, и не комиссар миноносца, а друг-комсомолец, которому обязательно нужно выложить всё, что волнует душу. И глаза комиссара, внимательные и дружеские, подгоняли и подгоняли слова, и если бы в салоне не появился политрук Козлов, разговор долго бы не закончился. Военком оставил стакан и стал опять таким, каким его привык видеть Кротких: сдержанным и немного суховатым.

— Кстати пришли, товарищ политрук,— сказал он обычным своим тоном, негромко и раздельно.— Значит, так вы порешили: раз война, люди сами расти будут. Ни учить не надо, ни воспитывать... Война, как говорится, рождает героев. Самосильно. Так, что ли?

— Непонятно, товарищ батальонный комиссар,— ответил Козлов, угадывая неприятность.

— Чего ж тут непонятного?.. Спасибо, товарищ Кротких, можете быть свободным...

Кротких быстро прибрал стакан и банку с молоком (чтобы комиссару не пришло в голову угощать им Козлова), но, выйдя, задержался с той стороны двери: речь, видимо, шла о нём.

Комиссар поинтересовался, известно ли политруку, что у краснофлотца Андрея Кротких слабовато с общим образованием и что ходу ему дальше нет. Он спросил ещё, неужели на миноносце нет комсомольцев-вузовцев, и сам назвал химиста Сакова, студента педагогического института. Козлов ответил, что Саков активист и что он так перегружен и «боевым листком», и комсомольским бюро, и докладами, что времени у него нет. Комиссар рассердился. Это Кротких понял по внезапно наступившему молчанию: когда комиссар сердился, он обычно замолкал и медленно скручивал папиросу, посматривая на собеседника и тотчас отворачиваясь — как бы выжидая, когда уляжется гнев. Молчание затянулось. Потом зажигалка щёлкнула, и комиссар негромко сказал:

— Это у вас нет времени подумать, товарищ политрук. Почему всё на Сакова навалили? Людей у вас, что ли, нет?.. Не видите вы их, как и этого паренька не увидали. Наладьте

ему занятия да зайдите в буфет: поглядите, что у него в голове...

С этого вечера перед Андреем Кротких раскрылись перспективы. Война шла своим чередом: были бои, штормы, походы, ночные стрельбы и дневные атаки пикировщиков, зенитный автомат жадно втягивал снаряды в ненасытную свою дугу, Кротких подтаскивал их на мат и мыл посуду,— но всё это приобрело будущее: перед ним стояла весна, когда он пойдёт в Школу оружия. Он наловчился не терять и минуты времени. Регулируя свой буфетный автомат, он держал в свободной руке грамматику. Драя медяшку в салоне, твердил таблицу умножения. Дежуря у снарядов по готовности номер два, решал в блокноте задачи. Блокнот был дан комиссаром. Всё было дано комиссаром — блокнот, учёба и будущее.

И в девятнадцатилетнее сердце Андрея Кротких плотно и верно вошла любовь к этому пожилому спокойному человеку.

Он радовался, когда видел комиссара весёлым, когда тот шутил на палубе или в салоне за обедом. Он мрачнел, видя, что комиссар устал и озабочен. Он ненавидел тех, кто доводил комиссара до молчания и медленной возни с папиросой. Тогда бешенство поднималось в нём горячей волной, и однажды оно вылилось в поступке, от которого комиссар замолчал и закрутил папиросу.

Была тревожная походная ночь. Чёрное море сияло под холодной луной, и, хотя ветер был слабый и миноносец не качало, на палубе была жестокая стужа. Корабль шёл недалеко от врага, и каждую секунду пустое обширное небо могло обрушить на него бомбы: на лунной дороге миноносец был отчётливо виден. Весь зенитный расчёт проводил ночь у орудий.

Комиссар сошёл с мостика и обходил палубу. Видимо, он и сам промёрз порядочно: подойдя на корме к автомату номер два, он вдруг раскинул руки и начал делать гимнастику.

— И вам советую,— сказал он краснофлотцам.— Кровь разгоняет.

Кротких подошёл к нему и попросился вниз: он согреет

чай и прииесёт комаидиру и комиссару иа мостик. Филатов улыбиулся.

— Спасибо, Аидрюша,— сказал ои, изывая его так, как звал в долгих иеофициальиых разговорах.— Спасибо, дорогой. Не до чая... И потом, всех ие согреешь — оии тоже промёрзли...

Ои повериулся к орудию и стал шутить, привычио проверяя взглядом, иа месте ли весь расчёт. В велосипедиых сёдлах, откииувшись иавзиичь и всматриваясь в смутиое сияиие луииого иеба, лежали иаводчики. Устаиовщики прицелов сидели иа корточках, спииой к ветру, готовые вскочить и завертеть свои штурвальчики. Комаидир орудия старшииа первой статьи Гущев стоял в телефоииом шлеме, весь опутаииый шлаигами, как водолаз. Орудие было готово к мгиовеииой стрельбе. Но комиссар вдруг перестал шутить и иахмурился:

— А где заряжающий? Товарищ старшииа, в чём дело?

Гущев доложил, что Пииохии отпущеи им оправиться, и вполголоса приказал Кротких иайти Пииохииа в гальюие и сказать ему, чтобы ие рассиживался.

В гальюие Пииохииа ие оказалось. Кротких иашёл его там, где подозревал: в кубрике. Пристроившись иа руидуке, у самого колокола громкого боя, Пииохии спал, очевидио решив, что в случае тревоги успеет выскочить к орудию.

Кротких смотрел иа иего. Ярость вскипела в его сердце. Ои вспомиил, как грелся физкультурой комиссар, как отказался ои от стакаиа чаю, как стоит ои сейчас там, иа холоде, молчит и ждёт,— и вдруг, стисиув зубы, размахиулся и ударил Пииохииа...

Разбор всего этого происходил в салоие после выполиеиия миноиосцем задаиия. Комиссар молчал и крутил папиросу. Крутил из-за иего, из-за Кротких, и это было иевыиосимо. Жизиь казалась коичеииой — теперь иикогда ие скажет ему комиссар ласково «Аидрюша», иикогда ие спросит, сколько будет девятью девять, иикогда ие улыбиётся и ие иазовёт «студеитом боевого факультета»... Слёзы подступали к глазам, и, видимо, комиссар поиял, что оии готовы брызиуть из-под опущеииых век. Ои отложил папиросу и заговорил.

Слова его были медлеииы и казались жестокими. Филатов

как-то удивительно всё повернул. Он начал с того, что, будь на его месте другой комиссар, Кротких не так близко к сердцу принял бы поведение Пинохина. Он сказал, что давно видит, как предано и верно относится к нему Кротких, но что всё это не очень правильно. Оказалось, Филатов заметил однажды ночью, как Кротких вошёл к нему на цыпочках, прикрыл иллюминатор, поправил одеяло и долго смотрел улыбаясь, как он спит (тут Кротких покраснел, ибо так было не однажды),— и назвал это мальчишеством, никак не подходящим для краснофлотца. Если бы Кротких ударил Пинохина потому, что тот оставил свой боевой пост, навредил этим всему кораблю и, по существу, изменил Родине, то это комиссар мог бы ещё как-то понять. Но ведь Кротких полез в драку совсем по другим причинам, и причины эти высказал сам, крича, что у него, мол, за комиссара сердце горит, такой, мол, человек на палубе мёрзнет, а эта гадюка в тепле припухает...

Филатов говорил резко, и Кротких мучился. Комиссар, наверно, заметил это, потому что закурил наконец папиросу, и Кротких, изучивший его привычки, понял, что он больше не сердится. Но Филатов выдохнул дым и неожиданно закончил:

— Взыскание — само собой. По комсомолу, надо полагать, тоже вздраят... А мне придётся вас перевести.

У Кротких поплыло в глазах.

— Товарищ батальонный комиссар, мне на другом корабле не жить,— сказал он глухо.

И голос комиссара вдруг потеплел:

— Да я не собираюсь вас с миноносца списывать. Где вы там другого Сакова найдёте, вся учёба пропадёт... Перейдёте вестовым в кают-компанию. Автоматику свою в тот буфет заберите — пригодится... Так, что ли?

И, хотя Кротких внутренне считал, что совсем не так, что комиссар не понял его любви и преданности и что вся жизнь теперь потускнела и уходить в кают-компанию просто тяжело, он всё-таки вытянулся и ответил:

— Точно, товарищ батальонный комиссар!

Это было настоящим горем. Кроме того, Кротких не пред-

полагал, что на свете, кроме любви, существует ещё и ревность. Он впервые познал это горькое и обидное чувство. Другой заботится теперь о комиссаре, другой, а не он, слышит его шутки за обедом, с другим, а не с ним, ведёт комиссар душевный вечерний разговор, прихлёбывая чай с консервированным молоком. И, уж конечно, новый вестовой не догадается припрятывать молоко от гостей и не сумеет накормить комиссара в шторм...

В этом своём горе, ревности и раскаянии Кротких повзрослел. Он стал сдержаннее, серьёзнее и, невольно подражая Филатову, выдерживал паузу, если гнев или обида требовали немедленного поступка. Крутить папиросу ему не приходилось: не везде закуришь. Поэтому он приучил себя в этих случаях шевелить по очереди всеми пальцами (что удобно было делать, даже стоя «смирно»).

Филатова он видел теперь много реже, чем раньше: на официальных собраниях, иногда в кают-компании или в кубрике, когда комиссар приходил туда для беседы. На палубе он старался пристать к кучке людей, обступивших комиссара, но Филатов говорил с ним, как со всеми, и в глазах его ни разу не мелькнуло то ласковое тепло и живое любопытство, к которым так привык Кротких и которых ему так теперь недоставало. И постепенно Филатов, родной и близкий человек, заменялся в его представлении Филатовым — комиссаром корабля. Но странное дело: именно теперь Филатов окончательно вошёл в его сердце.

Это была не та мальчишеская, смешная и трогательная, но глуповатая любовь, которой он горел прежде. Теперь это была новая, глубокая, военная любовь.

Чёрное море показало свой грозный нрав: миноносец нырял в волне, как подводная лодка, и вся палуба была в ледяной воде и в мокром льду. А в кубриках днём и ночью ждал горячий кофе, глоток вина и сухие валенки, вахту наверху сменяли через час — и Кротких понимал, что это подсказано комиссаром. На маленькой базе, куда зашли ремонтироваться после шторма, к трапу подъехала подвода, где лежали восемь барашков, зелень, две гитары, мандарины и капуста. И люди в косматых шапках ломаным русским языком спро-

сили, как передать этот маленький подарок храбрым морякам, о которых рассказывал вчера в колхозе комиссар. В каждом большом и малом событии корабельной жизни, в разговорах с другими, в бою и в шторме, в работе машин и и орудий — везде чувствовал Кротких комиссара: его волю, его заботу.

В один из тех смутных дней странной южной зимы, когда солнце греет, а ветер холоден, все на миноносце с утра ходили молчаливыми и хмурыми: дошло известие, что немцы взяли Ростов-на-Дону. Мысли, тяжёлые и тревожные, уходили на Кавказ, к нефти, к прерванной линии железной дороги. Люди не разговаривали друг с другом, дело валилось из рук. Но потом головы стали подниматься, глаза блестеть надеждой и ненавистью, руки работать яростно и быстро: теперь все говорили о Москве, об ударе наших войск, о том, что удар этот вот-вот обрушится на врага,— и Ростов встал на своё место в гигантской и сложной схеме войны. И Кротких с гордостью подумал, что разъяснил это **комиссар**.

Он стал понимать, почему с таким уважением и любовью говорят о комиссаре остальные краснофлотцы, мало знающие его в частной, каютной жизни. Он стал понимать, почему каждый из них готов рискнуть головой, чтобы спасти в бою комиссара — не просто Филатова, хорошего, честного, отзывчивого человека, а военного комиссара Филатова, партийную душу и совесть корабля.

По-прежнему стоял Кротких у своего ящика со снарядами, выкладывая их на мат, не дальше. Но мальчишеская зависть к заряжающему (теперь уже не к Пинохину, который пошёл под суд, а к Трофимову) больше не терзала его, как не мучило и сознание, что подвига тут не совершишь. Новое понятие — корабль — значительно и серьёзно вошло в него. Он полюбил корабль, и его силу, и его людей, его сталь и его командиров, его ход и его название. И даже посуда, которую он так ненавидел и презирал когда-то, теперь совсем перестала беспокоить его воображение.

Это новое ощущение корабля как живого, сильного и ласкового друга настолько захватило его, что однажды вечером он сел писать своё первое письмо Оле Чебыкиной.

Кротких, надсаживаясь, поднял на поручни пылающий ящик.

Но нз пнсьма иичего не получилось. Буквы былн теперь чёткими на заглядеиье, ио передать это удивительиое ощущение корабля и любви к нему он никак не смог. Ои написал целую страннцу затёртых, невыразительных слов — и в ярости разорвал письмо, даже забыв перед этим пошевелнть пальцамн. Два дия ои ходил мрачиый, мучаясь, как бы написать о корабле так, чтобы это запало Оле в самое сердце, ио корабль сам отвлёк его мыслн.

На корабле готовнлся десант. На комсомольском собранин все объявилн себя добровольцами. Но с миноносца требовалось взять только около пятнадцатн человек, умеющнх хорошо владеть граиатой, автоматом, штыком н мниомётом. Кротких под эти требовання ннкак не подходил, и комаидир боевой части на него даже не взгляиул.

Кроткнх пошевелнл пальцами и промолчал.

Однако, когда на рассвете миноиосец подходнл к месту высадки и когда десаитники вышли иа палубу с оружием н ящик с миiами был поставлен на корме, готовый к погрузке в шлюпку, вся душа в иём заныла. Миiы лежали в ящике ровиым рядом, пузатые, знакомые и поиятные, как сиаряды его автомата, поблёскивающие возле,— н, коиечио, он лучше всех мог бы вытаскнвать их из ящнков н подносить к миномёту. Ои вздохнул, но тут миноносец резко повернул, заверещал свисток командира автомата иомер два: иалетели самолёты, и прншлось отбнваться.

Автомат залаял отрывисто и чётко, н что-то простучало по палубе, как горох. Трофимов упал, выроннв сиаряд, н автомат захлебнулся: пикировщнк дал очередь нз пулемёта. Кротких подскочил к орудию и, быстро иагибаясь к снарядам, им же самим приготовленным иа мате, накормил голодиую обойму. Автомат вновь заработал. И всё вниманне ушло на то, чтобы успевать брать из ящнка иовые снаряды и вставлять их в обойму, и совершенно иекогда было подумать, что вот иакоиец он, Кротких, сам ведёт бой. Рядом с бортом встал огромиый столб воды и дыма, что-то провизжало мимо орудия. Вслед за бомбой в ту же вздыблеиную воду с воем и рёвом врезался самолёт. Кротких заметнл лишь хвост с чёрным крестом и поиял, что оии всё-таки сбилн иемца, нахально

«пикну́вшего» на миноносец, у которого замолчал автомат. Но и этому он не успел ни обрадоваться, ни удивиться, потому что сзади него закричали:

— Мины!..

Он обернулся. Ящик с минами горел, сильно дымя. Мины в нём вот-вот должны были начать рваться. Он увидел, как в дыму мелькнула чья-то фигура, как чьи-то руки попытались приподнять ящик и как потом краснофлотец (кто — он так и не разобрал) отскочил...

Гущев отчаянно махнул рукой, сорвал с себя телефонный шлем и крикнул:

— Все с кормы!

Каждую секунду могли рвануть два десятка мин, из которых и одной хватило бы на весь орудийный расчёт. Кротких вдруг подумал, что вслед за минами начнут рваться в пожаре и его снаряды, а за ними — погреба и весь корабль, и шагнул было к ящику. Но тут за кормовой рубкой грохнуло четвёртое орудие, и ему показалось, что это грянула взрывом пылающая в ящике смерть. Это было так страшно, что он ринулся с кормы вслед за остальными. Шаг в сторону ящика оставил его позади всех, и отчаяние охватило его: если он споткнётся, ему никто не поможет. Подлое, паническое малодушие подогнуло его колени. Он сделал усилие, чтобы шагнуть, и вдруг впереди, у носового мостика, увидел комиссара.

Филатов, расталкивая встречных, бежал на корму, и Кротких понял — зачем. Догадка эта поразила его. В два прыжка Кротких очутился у ящика и, обжигая ладони, ухватился за дно. Ящик был слишком тяжёл для одного человека. В т о р о й бежал на помощь. Но этот второй человек был комиссар корабля, и подпускать его к ящику было нельзя.

Кротких присел на корточки и схватил раскалённый стабилизатор крайней мины. Ладонь зашипела, острая боль на миг захолонула сердце, но мина вылетела за борт. Он тотчас схватил вторую.

Может быть, он что-то кричал. Так потом рассказывали ему товарищи: говорили, что он прыгал на корточках у ящика, танцуя какой-то страшный танец боли и ругаясь во весь голос,

бессмысленно и жутко. Но мины летели за борт одна за другой, быстро освобождая горящий ящик. Выпрямляясь с очередной мнной в руке, он увидел комнссара: тот был уже у кормового мостика, рядом со смертью. Тогда Кротких, надсаживаясь, поднял на поручни опустошённый наполовнну ящик. Пламя лизнуло его лицо. Бушлат загорелся. Он отвернул лнцо н снльным толчком сбросил за борт ящик. Потом ударил по бушлату ладонями, уже не чувствующимн огня.

Тут кто-то крепко н снльно обхватил его плечн. Он повернул голову. Это подбежал комиссар.

— Ничего, товарнщ комиссар, уже тухнет,— сказал он, думая, что комнссар тушит на нём бушлат.

Но, взглянув в глаза комнссару, он понял: это было объятие.

1942 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Для младшего школьного возраста

Леонид Сергеевич Соболев

БАТАЛЬОН ЧЕТВЕРЫХ

Рассказы

ИБ № 8051

Ответственный редактор
А. Ю. Березутская

Художественный редактор
Т. М. Токарева

Технический редактор
И. В. Золотарёва

Корректор
И. Н. Мокина

Сдано в набор 21.01.85. Подписано к печати 05.05.85. Формат $60 \times 90^1/_{16}$. Бум. офс. № 2. Шрифт литературный. Печать офсетная. Усл. печ. л. 2,0. Усл. кр.-отт. 2,5. Уч.-изд. л. 1,52. Тираж 2000000 экз. Заказ № 185. Цена 5 коп. Орденов Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 103720, Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Калининский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР Росглавполиграфпрома Госкомиздата РСФСР. 170040, Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

Соболев Л. С.

С54 Батальон четверых: Рассказы/ Рис. Л. Хайлова.— Переизд.— М.: Дет. лит., 1985.— 31 с., ил.— (Книга за книгой.)

5 к.

Книга рассказывает о мужестве военных моряков, самоотверженно защищавших Родину в годы Великой Отечественной войны.

С $\frac{4803010102-335}{М101(03)85}$ 370—85 Р2

5 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

В серии «Книга за книгой» в 1985 году
выходят следующие книги:

Солоухин В. НОЖИЧЕК С КОСТЯНОЙ РУЧКОЙ

Рассказы о детстве мальчика, о друзьях и сверстниках героя, об их близости к природе и крестьянскому труду, о разных случаях из жизни ребят

Фадеев А. САШКО.

Отрывок из романа «Молодая гвардия», рассказывающий о мальчике Сашко, который помогает подпольщикам перейти линию фронта. События, описанные в отрывке, происходят в годы Великой Отечественной войны в Донбассе.